

Ф И Л О Л О Г И Ч Е С К И Е Н А У К И

PHILOLOGY

УДК 811.511.151+398

Л. А. Абукаева

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

МАРИЙСКИЕ ЗАПРЕТЫ: К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ И СПЕЦИФИКЕ

Статья посвящена исследованию такого жанра марийского фольклора, как *ойёрö* – запреты. В ней определяется специфика жанра, устанавливается связь этого жанра с другими жанрами фольклора. Запреты восходят к древним языческим представлениям народа, когда в эпоху племенных культов создавались объекты поклонения и по отношению к ним вырабатывалась определенная система взглядов и представлений, в том числе разнообразные поверья, суеверия и табу. Стройность композиции, краткость *ойёрö* обеспечивает его доступность, прочность усвоения; включенность запретов в такие жанры, как сказка, песня, легенда, быличка, короткая история и др., способствует наглядности восприятия, системности и последовательности в воспитании и обучении. Функция запретов заключается в том, что они были призваны подчеркнуть почтительное отношение к объектам поклонения. Их соблюдение должно было обеспечить покровительство высших сил, безопасность и благополучие рода и семьи, а также отдельного человека.

Ключевые слова: запреты (*ойёрö*), структура, типология, культовые запреты, утилитарно-практические (бытовые) запреты, синкретизм

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ.

Проект «Запреты в системе воззрений мари: лингвопрагматический аспект» № 16-14-12003

Одним из своеобразных и интересных источников характеристики воззрений народа являются запреты (табу). В этническом сознании марийского народа запреты занимают важное и прочно место, четко воспринимаются как самостоятельный жанр устного поэтического творчества. Ср., например, пословицу *Рушын мурьжо ок пыте, марийын – ойёрöжö* ‘У русских песни не кончаются, у мари – запреты’. Данная работа посвящена выявлению природы марийских запретов, особенностей их функционирования, определению места *ойёрö* в системе других жанров фольклора.

Ойёрö (запреты) относятся к числу малых жанров марийского фольклора. Запреты имеют чет-

кую структуру: подавляющее большинство из них двухчастны: первая часть содержит запрет со словом *ок / о йёрö* ‘не годится / нельзя’; вторая часть – лаконичное изложение последствий нарушения запрета или причины его существования: *Кид кучым, йол кучым кушко логалеш, тушко кышкаш ок йёрö – кыльмекет, курыкыш кўзен от сене* [5] ‘Состриженные ногти нельзя бросать где попало – на том свете не сможешь подняться на гору’ [5]. По марийским верованиям, собрать ногти покойника сможет курица, которую приносят в жертву в день похорон. Вторая часть некоторых запретов может отсутствовать: возможно, она была утрачена, забыта или этой части не было изначально,

например: *Ўстел дек туп дене шинчаиш о йӱрӱ* ‘Нельзя садиться спиной к столу’. При обращении к информантам с вопросом, почему нельзя, собиратели обычно слышат такой ответ: «*Ойӱрӱ да ойӱрӱ. Ом пале / Кӱ пала вара? Ожно паленыт дыр*» ‘Нельзя и нельзя. Не знаю / Кто же знает? Раньше знали, наверно’.

При анализе ойӱрӱ можно выявить их смыслообразующую основу, часто это символизация или олицетворение. Смысл запретов конструируется также на основе принципов параллелизма, метафорического и метонимического переосмысления, противопоставления.

Так, параллелизм может быть представлен в модели «человек – окружающая действительность»: *Кугече годым ӱным шераиш ок йӱрӱ – чыве пакчатым удыра* ‘В Кугече (День поминовения предков, отмечается в четверг перед православной Пасхой – Л. А.) нельзя расчесывать волосы – куры будут разгребать грядки’ [7]. Модель параллелизма «мир реальный – мир потусторонний» представлена во многих запретах, большинство из которых соблюдаются во время похорон и поминок: *Поминка годым кечывалым малаиш ок йӱрӱ – кольмекет поминкаиш толын от шу, мален кодат* [6] ‘В поминальные дни днем спать нельзя. После смерти не успеешь прийти на поминки, проспшишь’ [6]; *Йылмым ончыктаиш ок йӱрӱ – колет гын, шокишо салмам нулыктам* [5] ‘Нельзя показывать язык – если умрешь, будут заставлять лизать горячую сковороду’.

Достаточно продуктивным основанием ойӱрӱ служит олицетворение *Киндым кудалтаиш ок йӱрӱ – кинде шортын коштаиш тӱнгалеш* ‘Хлеб бросать нельзя – хлеб станет плакать’ [7]; *Лыштаиш пайрем деч вара шочмын мланде каньме кече. Мландыш нимомат кераиш ок йӱрӱ – мланде кана, шула, илана* ‘После праздника листьев в понедельник день отдыха земли. В землю ничего нельзя втыкать – земля отдыхает, оживает’ [7].

В содержательном отношении запреты могут конструироваться и на основе противопоставления, например: *Шинчалым ӱстембалам велаиш ок йӱрӱ – ешыште шомак лектеиш. ӱмбакыже сакырым шаваиш кӱлеш* [6] ‘Нельзя просыпать соль на стол – в семье будет ругань. Сверху соль нужно посыпать сахаром’.

Достаточно продуктивны запреты, смысловую основу которых составляет символизация. Так, стол и хлеб являются символами достатка и благополучия, хлеб воспринимается и как защита от злых духов и сил, поэтому строго соблюдаемыми являются следующие запреты: *ӱстембалым*

чара кид дене ӱштаиш ок йӱрӱ – нужнаиш кодат [6] ‘Стол нельзя протирать голыми руками – обеднешь’; *ӱстембалым кагаз дене ӱштаиш ок йӱрӱ – ешыште шомак лектеиш* [6] ‘Стол нельзя протирать бумагой – в семье возникнут ссоры’ [7] *ӱстембаке пижым, ушылым пыштаиш ок йӱрӱ – оксалан от шу* [7] ‘На стол нельзя класть вареники, шапку – денег не будет’.

Запреты созданы также на основе метонимии: *Шорык межым еглан яра пуаиш ок йӱрӱ – шорык ок тӱлыж* [5] ‘Овечью шерсть бесплатно нельзя давать – овцы утратят плодовитость’; *Пӱкенышке ег олмыш шинчаиш ок йӱрӱ – осалжым налат* [5] ‘Нельзя садиться на стул после кого-либо – на себя берешь его зло’.

Учитывая содержание и особенности функционирования, среди запретов можно выделить: 1) запреты культового характера [1]; 2) запреты утилитарно-практического (бытового) характера. Генетически и те, и другие восходят к древнеязыческим представлениям мари.

Запреты отличаются не только по содержанию и функции, но и по особенностям функционирования: они обладают различной степенью строгости выполнения. Значительная часть ойӱрӱ строго и неукоснительно соблюдается, следование им безоговорочное, обязательное. Следствием нарушения таких запретов может стать наказание, указанное в самом запрете. Например, нельзя измерять рост ребёнка, щекотать его, перешагивать через него. Считается, что от этого ребёнок будет плохо расти [3]. Строго соблюдаются, как правило, запреты религиозного содержания. Нарушение запрета обычно возводится в статус греха, а наказание последует на том свете. Так, запрещается в среду и пятницу стирать белье, мыть полы, иначе на том свете грешника будут поить грязной водой. Среда и пятница, объясняют информаторы, дни Бога (*Юмын кече*). Однако для женщин, не достигших тридцатилетнего возраста, в таких действиях грех не усматривается.

Запреты бытового, утилитарно-практического характера допускают некоторые отступления при условии соблюдения последующих оберегающих действий. Например, запрещается входить в чужой двор с пустыми ведрами. Считается, что от этого дом/двор опустеет. Но если в этом дворе находится колодец, с которого нужно брать воду, то во двор следует заходить, держа ведра с коромыслом в руках, а не на плечах [3].

В повседневной жизни возникают ситуации, когда соблюдение того или иного запрета становится невозможным. В этом случае в самом

запрете предусматриваются определенные действия, которые как бы оберегают от последствий нарушения запрета, и выполнение этих действий дает некоторую надежду на то, что отрицательных последствий можно будет избежать или хотя бы ослабить. Нестрогими, например, являются следующие запреты: *Кастене омым ойлаш о йөрө – вес гана омо ок кончо. Ойлетак гын, пырдыжлан але конгалан ойлем манман* [2, с. 42] ‘Нельзя рассказывать сон вечером – в следующий раз сон не приснится. Если же рассказываешь, то следует сказать, что рассказываешь стене или печке’. Следует отметить, что вера в предсказательную силу сновидений у мари достаточно сильная. До сих пор сны пересказывают, толкуют. По ним предугадывают важные события, они могут служить подсказкой или предостережением. Есть целые ритуалы, соблюдая которые можно получить ответы на важные вопросы во сне. Поэтому соблюдение этого запрета представляется весьма важным.

Еще одной причиной устойчивости ойөрө следует считать синкретизм жанров марийского народного устного творчества. Запреты обнаруживают слитность с такими жанрами, как миф, сказка, быличка, бытовой рассказ, песня. Синкретизм подтверждает и древнюю природу ойөрө.

Наиболее тесную связь запреты устанавливают с суевериями. Некоторые из запретов во второй своей части выдвигают объяснения и основания, имеющие суеверный характер. Однако запреты отличаются от суеверных представлений своей главной функцией: запрещая, предостеречь от нежелательных последствий тех или иных действий. Несомненно, такой особенностью обладают запреты, связанные с беременностью женщины и рождением ребенка. Эти моменты в жизни человека, как наиболее важные, значимые и ответственные, сопровождаются советами, оберегами и запретами: *Мушкыран үдырамашлан кадыр тоя гоч вончаш ок йөрө – икшывыже пугыр тупан лиеш* ‘Беременной нельзя перешагивать через изогнутые палки – ребенок будет горбатым’; *Мушкыранлан кандырам үшталаш ок йөрө – кандыран пунемже мыняре, тунаре йөсө лиеш* ‘Беременной нельзя подпоясываться веревкой – иначе она может претерпеть столько мучений, сколько оборотов у веревки’ [2, с. 44].

Запреты включены в систему обрядов и ритуалов. Им придается важное значение как в календарных, так и в семейных обрядах. Рассмотрим ойөрө, которые существуют по отношению к новорожденному: *Изи азам түрвыж гыч шупшалаш ок йөрө – резыкшым налат* [1] ‘Младенца

в губы целовать нельзя – забираешь его счастливую долю’. По представлениям мари, каждому человеку при рождении богом определяется и отпускается доля – определенное количество пищи и еды, счастья и горя и т. п. В этом запрете речь идет о том, что часть хорошей, счастливой доли, данной ребенку, может «забрать» взрослый, целуя его в губы. Рациональная основа запрета весьма и весьма прозрачна: ребенка можно таким образом заразить, и последствия могут быть плачевными. *Азам мончаште лумжө дене ойлаш о йөрө – шайтан колеш* [1] ‘Нельзя называть имя ребенка в бане – шайтан услышит’. Трепетное отношение к имени человека обнаруживается практически у всех этносов. У марийцев, если ребенок рождался больным и/или до рождения этого ребенка у женщины умирали дети, то в семье обязательно проводили обряд «продажи ребенка» – букв. *азам ужалат*, т. е. продают ребенка как бы новому родителю, который и дает ему новое имя. В определенный день в семье готовили угощение – пекли блины, пироги. Ждали первого, кто войдет в дом. Ему вручали ребенка со словами: «Вот это твой сын/твоя дочь. Дай ему имя». Именно новым именем и начинали величать ребенка, а об имени, данном ранее, даже забывали, несмотря на то что это имя фиксировалось в документах. Человек, давший имя, получал статус *ужалыме ава/ача* ‘отец/мать, которому (-ой) продали ребенка’. В отношении его/ее демонстрируется уважение и почитание в течение всей жизни, например, на свадьбе он (она) одаривается наравне с родителями. Кроме того, он выступает советчиком, несет определенную ответственность в воспитании этого ребенка.

Ойөрө соблюдаются и в настоящее время. Причины соблюдения запретов взрослыми, на наш взгляд, следует искать в том, что по сравнению с другими жанрами фольклора ойөрө всегда выступают в привязке к конкретной ситуации. Конситуативность предполагает произнесение запрета именно в тот момент, когда он может быть нарушен. Тем самым адресант запрета при его произнесении предостерегает адресата от совершения ошибки, от нежелательных действий во избежание отрицательных последствий. Другим вариантом ситуаций, в которых функционируют ойөрө, по нашим наблюдениям, является наставления в адрес детей, когда ребенок напрямую может быть вовлечен в какое-либо действие, связанное с объектом запрета. В некоторых коммуникативных ситуациях сам адресант, совершая или не совершая действия, комментирует их, связывая с ойөрө,

например: «Таче тебе пӧртым мушкым, нӓстӓм мушкым. Эрла куарня вет – мушкедаш ойӧрӧ» ‘Сегодня вот полы вымыла, стирала. Завтра пятница ведь – стирать и мыть нельзя’ [4].

Весьма важным фактором действенности ойӧрӧ выступает апеллирование к важнейшим психологическим доводам, таким как желание сохранить здоровье, благополучие семьи и рода, чувство страха. Чаще всего, когда в качестве адресанта выступает ребенок, то не просто разъясняется причина запретительных мер, но и повествуется поучительная история, легенда, быличка. Например, в ситуации, когда дети грубо обращаются с домашними животными, мать или бабушка обязательно скажет, что нельзя сильно тискать котят, они будут гадить где попало. Но в то же время, если такое случается, нельзя обзывать котят гадками и противными, иначе мать их бросит. Кошек нельзя бить и обижать, потому что они умные и даже злопамятные, будут искать случай отомстить. Так, в д. Новоключево Мишкинского района Республики Башкортостан зафиксирована быличка о солдате и кошке. Молодой человек грубо обращался с кошкой, а перед уходом в армию сильно пнул ее. Отслужил он в армии, вернулся домой. В первую же ночь лег спать на печи, а шинель свою положил на лавку. Утром встали, смотрят: кошка так сильно вцепилась когтями в воротник шинели, что умерла на месте [4]. Кроме того, кошке и собаке человек обязан тем, что Бог сохранил на земле главную пищу человека – хлеб.

Предостережением для взрослого адресата часто служит небольшой бытовой рассказ или быличка. Так, практически в каждой марийской деревне, где есть священная роща, можно услышать рассказы о том, как роща карала за сломанную ветку болезнью, за подслушивание общения с богом марийцы наказывались смертью [8, с. 227]. Запреты касались посторонних – им не разрешалось посещать рощу и не рассказывалось о ней

[8, с. 231]. В 20–30-е годы XX века, когда в массовом порядке священные рощи вырубались и невозможно было противостоять властям, эту тяжелую ношу брали на себя женщины, так как мужчина – это глава не только семьи, но и рода. И если святотатство исходит от него, то роду грозит вымирание.

Таким образом, в результате анализа соблюдаемых до наших дней запретов можно сделать вывод, что они глубоко проникли в сознание этноса благодаря таким факторам, как включенность в реальную повседневную коммуникативную ситуацию, тесная связь с другими жанрами фольклора, апеллирование к сильным психологическим доводам.

1. Абукаева Л. А. Запреты в календарной обрядности мари // Вестник Марийского государственного университета. 2014. № 2. С. 72–76.

2. Абукаева Л. А. Ойӧрӧ: кугезе ой да илыш умылымаш: запреты восточных мари: типология жанра. Йошкар-Ола, 2007. 48 с.

3. Запись Л. А. Абукаевой 1989 г. от Ы. П. Пезаевой, 1915 г. р., д. Новоключево Мишкинского р-на БАССР (ныне Республика Башкортостан).

4. Запись Абукаевой Л. А. 1991 г. от Александровой Л. Ш., 1948 г. р., д. Новоключево Мишкинского р-на Республики Башкортостан.

5. Запись Горева Л. 2015 г. от Небогатиковой З. В., д. Токтарсола Новоторьяльского р-на Республики Марий Эл.

6. Запись Жигановой К. С. 2015 г. от Жигановой Л. В., 1952 г. р., д. Чодырасола Моркинского р-на Республики Марий Эл.

7. Запись Чендемеровой Н. 2015 г. от Чендемеровой Н. Ф., 1938 г. р., д. Читово Сернурского р-на Республики Марий Эл.

8. Нижегородские марийцы. Сборник материалов для изучения этнической культуры марийцев. Йошкар-Ола, 1994. 251 с.

Статья поступила в редакцию 25.01.2016 г.

Для цитирования: Абукаева Л. А. Марийские запреты: к вопросу о природе и специфике // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 1 (21). С. 82–86.

Об авторах

Абукаева Любовь Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, sylne@mail.ru

L. A. Abukaeva

Mari State University, Yoshkar-Ola

MARI TABOOS: ON THE NATURE AND SPECIFIC

The article presents the analysis of genre of Mari folklore – bans. The author determine the specificity of the genre, reveal the connection of the genre with other ones of folklore. Bans go back to the ancient pagan conceptions of the people, when objects of worship were created in the era of tribal cults, and a certain system of beliefs and view had developed in relation to them, including a variety of beliefs, superstitions and taboos. The harmony of the composition, briefness of *ouöpö* provide its availability, durability of assimilation; the inclusion of bans in genres such as a fairy tale, a song, a legend, short story and others facilitate visibility of perception, consistency and continuity in education and training. The function of bans is that they were designed to emphasize respect to the objects of worship. Compliance was meant to ensure the protection of higher forces, safety and welfare of the genus and family, as well as the individual.

Keywords: taboos, structure, typology, religious taboos, utilitarian and practical (household) taboos, syncretism

1. Abukaeva L. A. Zaprety v kalendarnoj obrjadnosti mari. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, no. 2, pp. 72–76.

2. Abukaeva L. A. Ojörö: kugeze oj da ilysh umylymash: zaprety vostochnyh mari: tipologija zhanra. Yoshkar-Ola, 2007, 48 p.

3. Zapis' L. A. Abukaevoy 1989 g. ot Ÿ. P. Pezaevoy, 1915 g. r., d. Novokljuchevo Mishkinskogo r-na BASSR (nyne Respublika Bashkortostan).

4. Zapis' Abukaevoy L. A. 1991 g. ot Aleksandrovoj L. Sh., 1948 g. r., d. Novokljuchevo Mishkinskogo r-na Respubliki Bashkortostan.

5. Zapis' Gorevoj L. 2015 g. ot Nebogatikovoj Z. V., d. Toktar-sola Novotor#jal'skogo r-na Respubliki Marij Jel.

6. Zapis' Zhiganovoj K. S. 2015 g. ot Zhiganovoj L. V., 1952 g. r., d. Chodyrasola Morkinskogo r-na Respubliki Marij Jel.

7. Zapis' Chendemerovoj N. 2015 g. ot Chendemerovoj N. F., 1938 g. r., d. Chitovo Sernurskogo r-na Respubliki Marij Jel.

8. Nizhegorodskie marijcy. Sbornik materialov dlja izuchenija jetnicheskoy kul'tury marijcev. Yoshkar-Ola, 1994, 251 p.

Submitted 25.01.2016.

Citation for an article: Abukaeva L. A. Mari taboos: on the nature and specific. *Vestnik of Mari State University*. 2016, no. 1 (21), pp. 82–86.

About the authors

Abukaeva Ljubov' Alekseevna, Doctor of Philology, Full Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, sylne@mail.ru